

Ф. Д. АШНИН

ПРИНЦИПЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ТУРЕЦКИХ
УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Семантические отношения между тремя основными указательными местоимениями современного турецкого литературного языка — *bu*, *şu* и *o* — привлекали внимание многих ученых. Наиболее распространенное мнение на этот счет сводится к тому, что указательные местоимения в турецком, как и во всех тюркских языках, дифференцируются по степени отдаленности указываемых предметов от лица говорящего: *bu* «этот близкий» — *şu* «этот или тот несколько отдаленный» — *o* «тот совсем далекий». Однако при этом одни ученые считают, что все предметы — и первой, и второй, и третьей степени отдаленности — находятся в сфере непосредственного восприятия говорящего, и на них, следовательно, можно указать жестом¹; другие, напротив, полагают, что это справедливо только в отношении предметов первой и второй степени отдаленности, тогда как предметы третьей степени отдаленности находятся вне сферы непосредственного восприятия, и на них, следовательно, нельзя указать жестом². Эти расхождения сами по себе указывают на несовершенство подобного истолкования семантических отношений между указательными местоимениями.

Наряду с чисто пространственной схемой дифференциации указательных местоимений в грамматиках по турецкому языку встречаются повторяющиеся время от времени попытки связать турецкий указательно-местоименный ряд *bu* — *şu* — *o* с рядом личных местоимений *ben* «я» — *sen* «ты» — *o* «он». Наиболее характерным в этом отношении является мнение швейцарского тюрколога Р. Годеля, считающего, что в турецком языке «*bu* находится около того или связывается с тем, кто говорит, *şu* — около того или с тем, кому говорят», а *o* относится к отсутствующему предмету³.

¹ См. об этом: Ş. S a m i, *Kamus-i türki*, cilt 1, kısım evvel, [İstanbul], 1899—1900 (1317 h.), стр. 183, 305, 787 (арабский шрифт); В. А. Г о р д л е в с к и й, *Руководство для изучения османского языка*, М., 1916, стр. 72; Т. Г р у н и н, *Турецкая мова. Элементарна граматика та новий алфавет*, Харків—Київ, 1930, стр. 32; М. В а h a, *Yeni türkçe gramer*, İstanbul, б. г., §§ 126, 194; Т. В а n g u o ğ l u, *Ana hatlarile türk grameri*, İstanbul, 1940, стр. 32, 34; Г. Д. Г ъ л ъ б о в, *Турска граматика*, София, 1949, § 265; Т. N. G e n s a n, *Dilbilgisi*, I, İstanbul, 1950, §§ 85, 105; А. Н. К о н о н о в, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, § 307.

² См. об этом: J. D e n y, *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanlı)*, Paris, 1921 (обл.: 1920), § 311; H. J a n s k y, *Lehrbuch der türkischen Sprache*, Leipzig, 1943, стр. 70; L. P e t e r s, *Grammatik der türkischen Sprache*, Berlin, 1947, §§ 54, 75; «*Türkçe sözlük. İkinci baskı (düzeltilip genişletilerek yeniden yazılmıştır)*», hazırlayan M. A. A ğ a k a y, denetleyip tamamlıyanlar N. Artam, H. Eren, S. Sinanoğlu, yardım eden F. Devellioglu, Ankara, 1955, стр. 123, 563, 693; «*Resimli yeni lügat ve ansiklopedi. (Ansiklopedik sözlük)*», İstanbul, 1947—1952, стр. 321, 2035, 2673—2674.

³ R. G o d e l, *Grammaire turque*, Genève, 1945, § 89.

Однако живая практика турецкого языка всякий раз внушала сомнение в правомерности этих попыток¹. О несостоятельности этих попыток свидетельствует также наличие в различных тюркских языках при одинаковом количестве личных местоимений неодинакового числа указательных местоимений (например, в азербайджанском, кумыкском и туркменском языках имеется соответственно два, четыре и пять указательных местоимений). О том же говорит и характерная для многих тюркских языков широкая употребительность таких посессивных форм от обычных указательных местоимений, как, например, туркменские *муным* «этот мой», *мунынъ* «этот твой», *мунысы* «этот его», *мунымыз* «этот наш» и т. д., в которых отнесенность указываемого предмета к одному из трех лиц выражается исключительно благодаря наличию специальных аффиксов принадлежности.

Несовершенство указанных схем дифференциации указательных местоимений заставляло ученых искать иные пути решения вопроса. Особенно настойчиво вел эти поиски Н. К. Дмитриев. При этом он учел замечание В. А. Гордлевского о том, что в турецком языке «... „бу“ часто имеет в виду предмет, о котором б ы л а уже речь, „шу“ — предмет, о котором б у д е т р е ч ь»², и дополнил пространственный принцип дифференциации указательных местоимений так называемым хронологическим принципом, считая, что турецкий трехстепенный ряд указательных местоимений является контаминацией двух семантических рядов: пространственного *bu — o* («этот близкий» — «тот далекий») и хронологического *bu — şu* («этот вышеупомянутый» — «тот нижеследующий») ³. Такое дополнение вносило существенные коррективы в пространственную схему дифференциации указательных местоимений (так как из пространственного ряда исключалось местоимение *şu*), что, однако, не только не разрешало старых вопросов, но и порождало целый ряд новых и прежде всего — вопросы о том, почему местоимение *o* исключено из хронологического ряда⁴ и не может ли местоимение *şu* относиться к чему-либо вышеупомянутому.

Уточнению пространственной схемы служит и выдвинутый Н. К. Дмитриевым принцип дифференциации указательных местоимений по признаку наличия или отсутствия у говорящего предварительного знакомства с указываемым предметом («известный прежде» — «неизвестный прежде» или «знакомый прежде» — «незнакомый прежде»). Этот принцип получил частичное применение уже в турецкой схеме дифференциации указательных местоимений⁵ и наиболее полное и последовательное — в башкирской⁶. Однако в обеих этих схемах целый ряд моментов не находил своего объяснения: в турецкой схеме оставалось неразъясненным употребление местоимения *şu* в таких, например, случаях, как *Çarşıdan et almışım, şunu al*

¹ Ср.: *şu kalemini verir misin?* («Türkçe sözlük...», 483) «дай, пожалуйста, мне вот тот свой (дословно „твой“) карандаш!» и *şu benim ayaklarımı ov bakayım* (Karagöz) «ну-ка, помассируй мне эти (дословно „эти мои“) ноги!».

² В. А. Гордлевский, указ. соч., стр. 72.

³ Н. К. Дмитриев, Указательные местоимения в османском языке, «Докл. АН СССР», Серия В, 1926, стр. 98; его же, Строй турецкого языка, Л., 1939, стр. 21; его же, Об указательных местоимениях в башкирском языке, «Труды Моск. ин-та востоковедения», сб. 4, 1947, стр. 70—71; его же, Наречия места в турецком языке, сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы. (1880—1944)», [Л.], 1951, стр. 155—156.

⁴ См. Н. К. Дмитриев, Наречия места в турецком языке, стр. 156, примеч.

⁵ См.: Н. К. Дмитриев, Указательные местоимения в османском языке, стр. 98; его же, Грамматика кумыкского языка, М. — Л., 1940, стр. 79; ср. также G. Weill, Grammatik der osmanisch-türkischen Sprache, Berlin, 1917, § 63.

⁶ Н. К. Дмитриев, Об указательных местоимениях в башкирском языке; его же, Грамматика башкирского языка, М. — Л., 1948, стр. 98 и сл.

git, bizim eve ver! (Räs. IV, стр. 39)¹ «Я купил на рынке мясо, возьми его (*şunu*) и отнеси к нам домой!»; из башкирской схемы выпало, не найдя применения, местоимение *ул* «тот», в то время как местоимения *бынау* «вот этот» и *анау* «вон тот» оказались вовсе не привлеченными к рассмотрению.

На материале каракалпакского языка Н. А. Баскаков предлагает схематизировать указательные местоимения по признаку конкретности и определенности предмета и подразделяет их на конкретизированные местоимения, «употребление которых относится к предметам и лицам, знакомым и определенным», и неконкретизированные местоимения, «употребление которых относится к предметам и лицам неопределенным, незнакомым»². Однако предложенная схема в ее настоящем виде покоится в сущности на том же принципе, что и предыдущая, потому что конкретность и определенность предмета здесь так же, как и там, связываются с наличием или отсутствием у говорящего предварительного знакомства с указываемым предметом. Сопоставляя такого рода высказывания об указательных местоимениях в тюркских языках, известный польский алтаист В. Л. Котвич согласился с Н. К. Дмитриевым, что в повседневной практике чаще всего встречается двухстепенное противопоставление («этот» — «тот»), но при этом заметил, что основой этого противопоставления «служит собственно расстояние, независимо от того, идет ли речь о расстоянии только топографическом или также о каком-то ином («известный» — «неизвестный», «видимый» — «невидимый», «только что упомянутый» — «упомянутый несколько ранее» и т. п.)»³; полагая, далее, что в большинстве тюркских языков имеется по три указательных местоимения, В. Л. Котвич без колебаний поддержал и мнение о том, что эти местоимения «в случае необходимости могут быть употреблены как несомненная система»⁴. А это в серьезной степени колеблет построения Н. К. Дмитриева.

В условиях почти полного отсутствия специальных исследований не приходится удивляться тому, что финский тюрколог М. Рэсэнен в своей последней крупной работе воскрешает чисто пространственный принцип дифференциации указательных местоимений⁵. Круг поисков правильного решения, таким образом, замыкается.

Мне представляется несомненным, что указательные местоимения в большинстве тюркских языков дифференцируются по одним и тем же принципам и образуют стройные и в общих чертах сходные между собой системы. Это можно видеть на примере турецкой системы указательных местоимений.

*

Из трех турецких указательных местоимений — *bu*, *şu*, *o* — первое соответствует русскому «этот» и употребляется для указания на нечто ближайшее, а последнее соответствует русскому «тот» и употребляется для

¹ В статье принято сокращение: Räs. I—IV = M. R ä s ä n e n, Türkische Sprachproben aus Mittel-Anatolien, I—IV, Helsinki, 1933—1942.

² Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, т. II, ч. 1, М., 1952, стр. 272—273. Ср. А. Н. Кононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, § 219, а также Ф. Г. Исхаков, Местоимения, в кн. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II — Морфология, М., 1956, стр. 249 и сл.

³ W. K o t w i c z, Studia nad językami altajskimi, «Ročník orientalistyczny», t. XVI (1950), Kraków, 1953, стр. 115.

⁴ Там же.

⁵ См. M. R ä s ä n e n, Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, «Studia orientalia», t. XXI, Helsinki, 1957, стр. 27.

указания на нечто отдаленное. Примеры: *Hoca kadiyken iki adam gelir; biri ötekinden şikâyetçidir. Der ki: — «Hocam! Ben yolda gidiyordum. Bu da evine odun taşıyordu»* (Nasrettin Hoca hikâyeleri) «Когда ходжа был судьей, к нему приходят двое. Один жалуется на другого: „Ходжа! — говорит он. — Я шел по дороге, а этот нес домой дрова. . .“»; *O adam komşumdur* «тот человек — мой сосед»; *o ağaç çam ağacıdır* «то дерево — сосна» и т. д.

И предмет, на который указывает *bu* «этот», и предмет, на который указывает *o* «тот», нормально находятся в поле зрения говорящего, и, стало быть, как на тот, так и на другой можно указать жестом¹: *Melek yavaşça elindeki çantayı açtı, içinden dört beş altın bilezikle bir çift küpe aldı. Kendisine hayretle bakan sıska kadına uzatarak: «Alın bunları. . . Bunlar sizin galiba. . .» dedi* (S. Ali, Hanende Melek) «Мелек потихоньку открыла свою сумку, взяла из нее четыре или пять золотых браслетов и две серьги и протянула их слабенькой женщине, которая смотрела на нее с удивлением, и сказала: „Возьмите эти. . . это, должно быть, ваши. . .“»; *Onu görüyorsun ya. . .* «видишь того (его)? . . .»

Для указания при помощи местоимений *bu* и *o* не требуется ни подчеркнутого жеста, ни какой-либо особой интонации — достаточно чисто внешней близости предмета (для *bu*) или, наоборот, отдаленности (для *o*) и того, чтобы мы остановили на нем свой взгляд. Жест приобретает более или менее подчеркнутый характер только при перечислении или при противопоставлении; например: *bu defterdir, bu kitapır, bu kalemdir* «это — тетрадь, это — книга, это — ручка. . .»; *Onu bana ver, sen al bunu* (O. Kemal, Dönüs) «Дай того мне, а ты возьми этого».

Эти примеры иллюстрируют собственно указательное, или, как еще говорят, действительное употребление рассматриваемых местоимений. Наряду с этим местоимения *bu* и *o* употребляются еще в анафорической функции; разница между *bu* и *o* в данном случае сводится к тому, что первое указывает на только что упомянутое, а второе — на ранее упомянутое. Примеры: *«İyi ama doktor, bin liranın yolu nerde?» Ötekî bütün yüzünü kaplıyan tatlı bir gülüşle: «Bunu bana mı soruyorsun? Bilsem vallahi söyledim», dedi* (S. Ali, Böbrek). «„Хорошо, доктор, но где мне взять тысячу лир?“ Тот ответил со слащавой улыбкой, расплывшейся на все лицо: „Об этом ты меня спрашиваешь? Ей богу, если бы знал, я бы сказал“»; *İki gözüüm, ben bu memlekete daha bugün geldim. Henüz bunların günlerini öğrenemedim. Sen onu bir yerliden sor!* (Nasreddin Hoca fıktaları) «Голубчик, я в этот город приехал только сегодня и еще не успел изучить здешний календарь. Ты спроси о том у местного жителя!»

Выбор первого и второго местоимения с анафорической целью определяется и подсказывается не только давностью упоминания о предмете, но и тем, в какой степени отдаленным представляется говорящему предмет речи в момент, когда он к нему обращается; ср. *Hah, ben de bunu söyleyecektim* («Türkçe sözlük. . .», 315) «да-да, и я это собирался сказать»; *İşte ben de onu düşünüyorum* «вот и я о том думаю».

Стало быть, как в собственно указательном, так и в анафорическом значениях одно местоимение постоянно связывается с чем-то более или менее близким, а другое — с чем-то более или менее отдаленным, иначе говоря — эти два местоимения дифференцируются по степени отдаленности указываемого предмета.

¹ См. об этом J. De n y, *Türk dili grameri (osmanlı lehçesi), tercüme eden A. U. El ö v e, Üçüncü fasikül, İstanbul, 1942, стр. 206—207, примеч. переводчика.*

*

Что же представляет собой местоимение *şu*? В чем заключается его своеобразие?

Словари и грамматики дают на этот счет весьма разноречивые показания¹. Целесообразно поэтому начать выяснение своеобразия этого местоимения с напоминания о том, что выделение предмета из ряда ему подобных в пределах одного и того же языка может по-разному реализоваться при различных обстоятельствах, что оно может быть более подчеркнутым и менее подчеркнутым, более энергичным и менее энергичным, слабым и сильным и т. д.

Когда я говорю *alınız bunu!* «возьмите это!», то выделение предмета из ряда других предметов, находящихся в сфере моего восприятия, представляет собой не больше, чем самый обычный, нормальный дейксис, при котором жест приобретает подчеркнутый характер только при перечислении или при противопоставлении, да и то не всегда. То же самое можно было бы сказать относительно выделения предмета при посредстве местоимения *o*.

Своеобразие местоимения *şu* заключается в том, что оно выражает необычайно сильный дейксис, который проявляется вне какого бы то ни было противопоставления и характеризуется тем, что сопроводительный жест носит неизменно подчеркнутый характер. Стало быть, передавая кому-нибудь какую-нибудь вещь, можно сказать и *alınız bunu!* и *alınız şunu!*, и перевод по-русски будет, в общем, одинаковый — «возьмите это!» Но турецкий язык проводит существенную разницу между этими двумя фразами: во втором случае говорящий указывает с большей настойчивостью. Примеры: *Öteki subay, ayakta nargilesini tokurdatan şişman adama bakarak: «Müdür bey, dedi, bunlarla işin var. Bilmem, tatlı sertten anlarlar mı?... Gardian, şunların kelepçelerini çöz»* (S. Üstüngel, Savaş yolu, стр. 13) «Другой офицер обращается к толстяку, который стоя курит кальян: „С этими у тебя будет много хлопот, господин начальник. Не знаю, понимают ли [они] вежливое обращение?... Надзиратель, сними-ка вот с этих наручники!“»; *Bir zaman sonra tilki bakıyor ki bir derede bir tuzak, tuzagın içinde koyunun kuyruğu dahil. Tilki düşünüyor ki: «Bu kuyruğu yesem, tuzak boğazımdan sıkır, beni öldürür» diyor. Bakıyor ki kendine kurt gidiyor. Kurda bağıryor «Kurt kardeş, buraya gel!» diyor. Kurt geliyor. Kurda bakıyor ki: «Şu tuzagın içinde bir güzel kuyruk var...»* (Räs., I, стр. 129) «Некоторое время спустя лиса видит в долине западню, а в западне — овечий хвост. Лиса думает: „Если я съем этот хвост, западня раздавит мне шею и убьет меня“. Вдруг видит — к ней идет волк. Она зовет волка: „Братец волк, иди сюда!“ Волк подходит. Она говорит ему: „Вот в этой западне есть прекрасный хвост“...»

Именно благодаря тому, что местоимение *şu* обладает большой дейктической силой, оно оказывается уместным как в том случае, когда надо указать на ближайший предмет, так и в том случае, когда надо указать на отдаленный предмет. При этом говорящий с одинаковым успехом может направить указание и на себя, и на собеседника, и на третье лицо. Непременным условием для дейктического употребления

¹ См. наиболее характерные из них: J. W. Redhouse, Grammaire raisonnée de la langue ottomane, Paris, 1846, стр. 54; Aug. Pfizmaier, Grammaire turque., Vienne, 1847, стр. 220; Ch. Samy-Bey Frascberg, Dictionnaire turc-français, Constantinople, 1885, стр. 634; M. Ваһа, указ. соч., §§ 127, 194; E. Rossi, Manuale di lingua turca, vol. I — Grammatica elementare. Esercizi — vocabolarietti, Roma, 1939, стр. 47; L. Peters, указ. соч., § 75; А. Н. Кононов указ. соч., § 307, стр. 172.

этого местоимения является только то, чтобы предмет находился в поле зрения говорящего. Примеры: *Aman, oğlum, şu gözüme bir ilaç et!* (Räs. I, стр. 81) «Послушай, сынок, сделай лекарство для вот этих моих глаз!»; *Şu kuşağını çıkart, belime bağla, beni bacadan salla* (Räs. I, стр. 103) «Сними вот этот свой пояс, обвяжи меня и спусти в дымоход...»; *Bizim komsomol hiç istifini bozmamış. Elindeki çiriş kutusunu, fırçayı ve bir deste beyannameyi polisin iki eline sıkıştırmış: «Nah, demiş, tut şunları!»* (S. Üstügel, Savaş yolu, стр. 56) «Наш комсомолец нимало не смутился, сунул в руки полипейскому банку с клейстером, кисть и листовки и сказал: „На, держи это!“»; *Bir müddet gittikten sonra uzaktan bir acayip şey görünmeğe başlar ki, parıltısı dünyayı tutmuş. Bunu görünce şehzade arkadaşlarına: «Şu gördüğümüz şey billür köşk olmalı»* (Сказка) «Спустя некоторое время вдаль показалось что-то удивительное, блеск от чего охватил мир. Увидев это, царевич сказал спутникам: „Вот то, что мы с вами видим, должно быть, хрустальный дворец“.

Сильный дейкисис наблюдается чаще всего в условиях эмоционально насыщенной речи, характеризующейся восклицательной и вопросительной интонацией, употреблением форм повелительного и желательного наклонений, наличием аффиксов субъективной оценки, инверсией сказуемого и дополнения и т. д. Примеры: *Derhal kafamın içinin allak bullak olduğunu hissettim... Ağır ağır iskemleden kalktım. Kendimin de tanıyamadığım bir sesle ve parmağımla göstererek: «Susturun şu kadını!» dedim. «Söyleyin şu kadına çenesini kapasın yoksa çok fena şeyler yapabilecek bir haldeyim»* (S. Ali, Bir iskandal) «Я тотчас почувствовал, что у меня помутилось в голове. Я медленно поднялся со скамьи и голосом, который я и сам не узнал, сказал, указывая пальцем: „Заставьте замолчать эту женщину! Скажите этой женщине, пусть она закроет свой рот, а то я в таком состоянии, что могу сделать что-нибудь плохое“»; *Höcremizin kapısı açıldı... Jandarma çavuşu kapının eşigine dikildi. Yılan gibi ıslık çalıyor. «Ne dirlanıyorsunuz? Hava almasını şimdi size gösteririm. Vurun şunların bileklerine kelepçeyi»* (S. Üstügel, Savaş yolu, стр. 18) «Дверь нашей камеры распахнулась. На пороге появился жандармский сержант. Он шипит, как змея: „Вы что орете? Я вам сейчас покажу прогулку. Наденьте вот этим наручники!“.

Обладая сильным дейктическим значением, местоимение *şu* представляет указываемый предмет наиболее наглядным, наиболее конкретным, наиболее определенным образом: *Şu mavi deniz, şu mavi denizde yüzen beyaz yelkenli gemi, kendi kendinden aldığı fikirlerdir, öyle mi?* (N. Hikmet, Berkley) «Разве вот это голубое море, вот этот корабль с белыми парусами, плывущий в голубом море,— идеи, которые ты взял из самого себя?»

«Универсальное» с точки зрения применимости к предметам различной степени отдаленности *şu* при употреблении его в ряду двух других местоимений чаще всего занимает срединное положение. Так образуется трехступенный ряд. Пример: *...bütün bunların, şunların, onların hepsi. Hepsinin altında orak çekiçli tacı hepsi aydınlıklardan, hepsi aydınlıkçı.* (N. Hikmet, Aydınlıklar) «...все — и эти, и вот эти, и те. У всех — корона с серпом и молотом, все — из светоносцев, все — светоносцы».

Как видно из приведенных примеров, дейктическое *şu* по-русски передается чаще всего посредством словосочетаний «вот этот» (если речь идет о близких предметах) и «вон тот» (если речь идет об отдаленных предметах).

Среди тюркологов и, в частности — туркологов, широко распространено мнение, что это турецкое местоимение указывает только на нечто

неизвестное, незнакомое, нижеследующее, т. е. что оно может якобы только предварять высказывание. Однако факты показывают, что местоимение *şu* в анафорической функции употребляется и даже очень часто. Вот несколько самых обычных примеров, число которых можно было бы легко увеличить: *Evrân, yılanın büyüğü, zehirli, burda yirmi sene evvel türedi. Onun avına çıktılar birkaç köy tüfek ile sopa ile. Sürüntüsünü buldular, korktular. Sonra bir adama otuz şinik bugday verdiler. «Şu yılanı öldür!» dediler. Sonra o adam gitti, daha yılanın sürüntüsünü buldu* (Râs. II, стр. 44) «Эвран — большая ядовитая змея — появилась здесь двадцать лет тому назад. Чтобы поймать ее, вышло несколько деревень с ружьями и палками. Нашли ее след и испугались. Потом дали одному человеку тридцать декалитров пшеницы и сказали: „Убей эту самую змею!“. Потом тот человек пошел, снова нашел след змеи...»; ...*ertesî gün validesine haber verir: «Bu kız sagdır, olabilir ki bulurlarda bir yerdedir, gel şu kıza bir cadî kara gönderelim...»* (Сказка) «...на другой день она сообщает матери: „Эта девушка жива-здоровая, и может быть, что находится где-нибудь здесь. Давай направим к этой самой девушке бабу-ягу...“»; *Hocam, bugün yarın kıyamet kopacak. Bu kuzuğu ne yaracakını? Getir şunu yiyelim* (Nasreddin Hoca fıkırları) «Мой ходжа, не сегодня-завтра произойдет светопредставление. Что ты будешь делать с этим ягненком? Давай его (*şunu*) съедим!»

Все эти примеры показывают, что *şu* в анафорической функции употребляется наряду с другими местоимениями, от которых оно отличается тем, что имеет сильное анафорическое значение.

В природе анафорического употребления *şu* ничего не изменяется также в тех случаях, когда оно возводится не к отдельному слову, а к целому высказыванию, как в примере: *Sizin dolabınızı kimse karıştırmadı, şunu (= kimsenin dolabınızı karıştırmadığını. — Ф. А.) biliniz de ona buna söz söylemeyiniz* (I. Necmi, Türkçe gramer, İstanbul, 1930, стр. 308) «Никто в вашем шкафу не рылся, знайте это и никому не жалуйтесь».

Частным случаем анафорического употребления *şu* является так называемое анамнестическое, когда говорящий исходит из предположения, что сообщаемый им факт так или иначе известен собеседнику и что он только напоминает об этом. Например: *Bu odalardan birinin bir köşesine iki taş çatarak ocak yaptım. Yemeği orada pişiririm. Pişirmek hadî neyse, durmadan gözleri yaşartan is, duman yine neyse ama, şu bulaşık yıkamak yok mu, ömür törpüsü!..* (M. Makal, Bizim köy, İstanbul, 1950, стр. 112) «Положив в углу одной из этих комнат два камня, я сделал очаг. Варю там еду. Варить — еще куда бы ни шло, копоть и дым, от которых безостановочно текут слезы, — тоже ладно, но мыть эту самую грязную посуду — просто каторжный труд!»

Приведенные примеры показывают, что анафорическое *şu* по-русски чаще всего и точнее всего передается словосочетаниями «этот самый» и «тот самый».

Местоимение *şu* употребляется также в препаративной функции, или, как еще говорят, в функции предварения. Например: *Nekadar korkunç olurlarsa olsunlar, bunları çekerken şu nokta daima aklımızda: bunlar benim iradem dışında olan işler* (S. Ali, Kurdla kuzu) «Какими бы страшными они [пытки] ни были, когда мы их переносим, в нашем сознании постоянно следующее: это не в моей воле».

Препаративная функция рассматриваемого местоимения представляет собой не что иное, как своеобразное проявление его сильного дейктического значения, так как здесь имеет место указание на то, что гово-

рящий собирается сказать и что в сущности уже стоит перед его «мысленным взором». Этим исчерпываются основные случаи употребления местоимения *şu*.

В турецком языке имеется еще четвертое указательное местоимение — *işbu*. Некогда это было весьма употребительное местоимение, которое соотносилось с *bu* как местоимение, обладающее сильным дейктическим и анафорическим значением при указании на нечто ближайшее¹. В современном турецком языке оно употребляется очень редко и только в письменной речи, соответствуя русским «сей, настоящий, данный»: *İşbu sebepten dolayı... «по этой самой причине... , посему»; İşbu mukavele-
lenamenin imzasından itibaren altı ay zarfında doktor Dalbanezo Vas Uestteki
kıftlığın iki yüz elli beş inek ve öküzünü tedavi edecektir* (N. Hikmet, Kafatası) «Начиная с момента подписания настоящего контракта, доктор Далбанезо в течение шести месяцев будет лечить двести пятьдесят коров и быков поместья Васт Уэст».

Ограниченное в своем употреблении только определенным стилем речи, это указательное местоимение в современном турецком языке уже не соотносится ни с каким другим местоимением. Однако самый факт наличия его в турецком языке и, в особенности, его былая употребительность имеют существенное значение для понимания систем указательных местоимений во многих тюркских языках.

Таким образом, четыре турецких указательных местоимения качественно неоднородны с точки зрения проявления дейктического и анафорического значения. Эта неоднородность объясняется тем, что они неодинаковы в структурном отношении: местоимения с сильным дейктическим и анафорическим значением представляют собой формы, исторически сложившиеся на базе простых местоимений в результате слияния их с указательной частицей *oş* «вот» (*oş* «вот» + *bu* «этот» = *oşbu* > *işbu* и *oş* «вот» + *ol* «тот» = *oşol* > *şol* > *şo* > *şu*). При этом местоимение в форме *şol* || *şo*, ранее соотносившееся только с *ol* || *o*, с течением времени — по мере сокращения употребительности местоимения *işbu* — стало соотноситься также с *bu*, в конечном счете обусловившим и переогласовку *şo* > *şu*.

То, что указательные местоимения в отдельных языках могут различаться по степени проявления дейктического и анафорического значения, впервые показал К. Бругман более полувека тому назад на материале индоевропейских языков². Но, кажется, нигде это положение не находит более яркого подтверждения, чем на материале турецкого, а также других тюркских языков, как, например, туркменский, узбекский, башкирский, татарский, казахский, каракалпакский, в каждом из которых можно отметить наличие строгой корреляции между местоимениями с сильным дейктическим и анафорическим значением и местоимениями со слабым дейктическим и анафорическим значением³.

¹ Н. К. Дмитриев [см. его «Наречия места в турецком языке» (стр. 157, примеч.)] отмечал в *işbu* наличие остатков инклюзивности.

² См. К. B r u g m a n n, Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen, «Abhandl. der K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Philol.-hist. Kl., Bd. XXII, Leipzig, 1904.

³ В некоторых тюркских языках, располагающих многочленными системами указательных местоимений, наблюдается своеобразное распределение функций между различными усиленными формами местоимений, когда одни из них выражают по преимуществу усиленный дейксис, а другие — по преимуществу усиленную анафору; ср. в узбекском языке: — *Анов уйни кўрайсанми?* — *Кўрайман.* — *Уша уйда мен турман.* «— Вон тот дом видишь? — Вижу. — В том самом доме я живу».